

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Тайна зеленого сундука

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615465
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3

Аннотация

«... Ветер выл, как тысяча бешеных собак, и метель кружилась в невероятной, сногшибательной пляске, когда глава дома Постулатов сидел одиноко в темном кабинете, в углу, и, сверкая зелеными глазами, думал тяжелую, мрачную думу.

Страшен был вид Постулатова.

«Нету нынче на праздниках никаких напитков – хорошо же! – думал он. – Кухарку и гувернантку изругаю, жене изменю, а ребятишек всех перепорю. Раз уж скверно, то пусть всем будет скверно». ...»

Аркадий Аверченко

Тайна зеленого сундука

(Рождественский рассказ)

Ветер выл, как собака, и метель кружилась в бешеной пляске, когда госпожа Постулатова, сидя в будуаре, говорила гувернантке:

– Никогда я не могла представить себе такого хорошего Рождества. Вы подумайте: напитков никаких нет, значит, останется больше денег и мы не залезем в долги, как в прошлые праздники.

Ветер выл, как собака, и метель кружилась в бешеной пляске, когда кухарка Постулатова, сидя в теплой кухне, говорила соседской горничной:

– Хорошее Рождество будет... Господа денег на пьянство не потратят, а сделают нам хорошие подарки. Слава те, Господи.

Ветер выл, как собака, и метель кружилась в бешеной пляске, когда дети Постулатовых, сидя в детской, тихо шептались друг с другом:

– Нынче папа никакого вина и водок не может купить – значит, эти деньги, которые останутся, пойдут нам на елку. Хорошо, если бы елку закатали побольше да игрушек бы закатали побольше.

Ветер выл, как тысяча бешеных собак, и метель кружилась в невероятной, сногсшибательной пляске, когда глава дома Постулатов сидел одиноко в темном кабинете, в углу, и, сверкая зелеными глазами, думал тяжелую, мрачную думу.

Страшен был вид Постулатова.

«Нету нынче на праздниках никаких напитков – хорошо же! – думал он. – Кухарку и гувернантку изругаю, жене изменю, а ребятишек всех перепорю. Раз уж скверно, то пусть всем будет скверно».

Ветер за окном выл, как тысяча бешеных собак, да и метель держала себя не лучше.

* * *

Дверь скрипнула, и в кабинет вошла жена. Ласково спросила:

– Что ты тут в темноте сидишь, Алексашенька?

– Черташенька я тебе, а не Алексашенька! – горько ответил муж. – Возьму вот и повешусь на дверях!

– Господь с тобою! Кажется, все хорошо, надвигаются праздники, и праздники такие хорошие – будут без неприятностей... Я с тобой хотела как раз поговорить о подарках кухарке и гувернантке.

– Подарок? – заскрежетал зубами Постулатов. – Кухарке? Купить ей в подарок железную кочергу да и бить ее этой кочергой каждый день по морде.

– Алексаша! Такие выражения... Надо же выбирать...

– Не из чего, матушка, не из чего!

– Что же тебе кухарка плохого сделала?

– Да, знаю я... Поймает крысу да и врубит ее в котлеты.

А в суп, наверное, плюет.

– Опомнись! Для чего ей это делать?

– А я почему знаю? Развернутое воображение. В чай, я уверен, мышьяк подсыпает.

– Зачем? Что ей за расчет? Ведь мышьяк денег стоит.

– Из подлости. А гувернантка – я знаю, – она губит моих детей. Она их потихоньку учит курить, а старшенького подговорила покушаться на мою жизнь.

– Для чего?! Что она, после тебя наследство получит, что ли?

– Садизм, матушка. Просто хочет насладиться моими предсмертными мучениями.

– Бог знает, что ты такое говоришь... – заплакала жена. – Ну, раз не хочешь сделать им подарки, что ж делать... Я из своих им куплю. Из тех, что ты мне на расходы дашь.

– Ничего я тебе на расходы не дам. Не заслужила, матушка! Как жена ты ниже всякой критики!

– Алексаша!!

– Чего там «Алексаша»! Ты лучше расскажи, почему все наши дети на меня не похожи? Я все понимаю! Не будет им за это елки!!

– Какой позор! – воскликнула жена и, рыдая, выбежала из

комнаты.

«А ловко я ее допек! – подумал немного прояснившийся Постулатов. – Теперь еще только выругать кухарку, перепо-ротить детишек – и все будет как следует».

И заворочались во тьме тяжелые ленивые мысли:

«Жаль, что у меня детишки такие послушные – ни к чему не придерешься. Хорошо, если бы кто-нибудь разбил какую-нибудь вещь, или насорил в комнате, или нагрубил мне. В кого они только удались, паршивцы? У других как у людей – ребенок и стакан разобьет, и кипятком из самовара руку обварит, и отца дураком обзовет, – а у меня... выродки какие-то. Вон у Кретюхиных сынишка в мать за обедом вилку бросил... Вот это – ребенок! Это темперамент! Да я бы из такого ребенка такой лучины нащипал бы, таких перьев надрал бы, что он потом за версту от меня удирал бы. Вот что я с ним, подлецом, сделал бы. А от моих – ни шерсти, ни молока... Сидят у себя они в детской тихонько, смирененько, не попрыгают в гостиной, не посмеются».

Сердце его сжалось.

«А почему они не прыгают? Почему не смеются? Ребенок должен вести себя сообразно возрасту. А если он сидит тихо, значит, он, паршивец, делает нечто противное своему возрасту. А за это – драть! Неукоснительно – драть. Я им покажу, как серьезничать».

Он встал, сверкнул зелеными глазами и крадучись отправился в детскую.

А за окном ветер и метель вели себя ниже всякой критики...

* * *

– Вы чего тут сидите? – нахмурившись и обведя детей жестким взглядом, проворчал Постулатов.

– Мы ничего, папочка. Мы сидим тихо.

– Сидите тихо?!

Леденящий душу смех Постулатова прозвучал в детской, сливаясь с воем бури за окном.

– А разве дети должны сидеть тихо? Детское это дело? Сейчас же чтобы резвиться, прыгать и смеяться. Ну?!!

Детки заплакали.

– Простите, папочка... Мы больше никогда не будем...

– Что? Плакать? Немедленно же резвитесь, свиненки этикие! Ну, ты! Или смейся, или я с тебя три шкуры спущу. Я вам пропишу елку!..

Прижавшись друг к другу, забившись в угол, дети с ужасом глядели на искаженное лицо отца...

– Ах, так? Такое отношение? Не хотите веселиться?! Ну, так вы сейчас отвдеаете ремня!! Эй, кто там?! Где мой кожаный ремень!! Агафья! Лизавета! Подать ремень!!

Столпившись в дверях, все домочадцы с ужасом взирали на разъяренного хозяина.

– Куда девался ремень? Агафья!

– Не знаю, барин... я и то найти его не могу!.. Уж не в зеленом ли дедушкином сундуке?..

– Подальше, дьяволы, постарались засунуть. Прочь!! Я сам его найду!

И ринулся Постулатов в полутемный чулан, в котором стоял знаменитый дедушкин зеленый сундук.

В каждом благоустроенном семействе имеется какой-нибудь баул, сундук или просто коробка, в которую годами складывается всякая дрянь: сплюснутая весенняя шляпка, два разрозненных тома «Нивы», испорченная мясорубка, засаленный галстук, бутылочки со старыми лекарствами, мужская сорочка с оторванными манжетами, пара граммофонных пластинок и изъеденная молью плюшевая кошка.

На письменных столах и туалетах тоже стоят маленькие коробочки, в которых годами копятся: шнурок от пенсне, полдюжина разнокалиберных пуговиц, поломанная запонка, английская булавка и позолоченная облезшая часовая цепочка.

Зеленый сундук Постулатовых отличался той же хаотичностью и разнообразием содержимого.

Лихорадочно рылся разъяренный Постулатов, отыскивая популярный в детской желтый кожаный ремень от саквояжа, рылся... как вдруг рука его наткнулась на что-то стеклянное.

«Дрянь какая-нибудь, пустая посуда», – подумал он и вытянул на свет Божий одну бутылку, другую, третью...

Оглядел их – и сердце его бешено заколотилось: в пер-

вых двух ярким топазом сверкнул французский коньяк, а в третьей тихо, мелодично булькала при малейшем сотрясении настоящая смирновская водка.

– Чудеса... – проворчал он дрогнувшим голосом и закричал: – Лизочка! Лиза! Иди сюда, голубушка!

Вошла заплаканная жена.

– Лизочек, каким эти образом в зеленом сундуке очутились коньяк и водка? Откуда это, милая?

Жена наморщила лоб:

– Действительно, как они попали в сундук? Ах, да! Это я весной засунула их сюда, перед Пасхой. Ты тогда купил больше чем нужно. А я сунула сюда, подальше от тебя, да и забыла.

Постулатов подошел к жене, нагнулся близко к ее лицу:

– А чьи это глазки?

– Лизины.

– А зачем они заплаканы?

– Потому что один дурачок ее обидел.

– А если дурачок их поцелует – они будут веселее?

– Барин, – сказала, входя, Агафья. – Вот и ремень. Он за шкахвом был.

– Нацепи его себе на нос, – засмеялся Постулатов. – Послушай, Агафьюшка. Ты, кажется, гусей хорошо жарить? Так вот изжарь к Рождеству. Потом, я давно хотел спросить: что ты такое кладешь в пирожки с ливером, что они так вкусно пахнут? Молодец ты у меня, Агафьище, замечательная

баба! Можешь взять для своего мужа мой старый синий пиджак... Я его носить не буду.

Пошел в детскую легким, танцующим шагом.

– Марья Николаевна! Я доволен вашими занятиями с детьми и хотел бы чем-нибудь... Впрочем, это уже дело жены, хе-хе! А вы что, архаровцы, приумолкли? Чего ждете?

– Сечься ждем, – покорно вздохнул самый маленький и заплакал.

– Ишь чего захотели! А чего вы больше хотели бы: сечься или елку?

С решительностью, чуждой всяких колебаний и сомнений, все сразу определили свой вкус:

– Елку!

– Да будет так! – мелодично засмеялся отец, целуя младшего. – Кося, заведи граммофон!..

* * *

Тысячи собак за окном улеглись спать под ровное белое покрывало. Тысячами бриллиантов горела пелена снегов под коротким, тихим светом луны.

Завтра – веселый Сочельник.

Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение...